

Нелли исправляет ошибки судьбы

Виталий Захаренко

Виталий Захаренко

Нелли исправляет ошибки судьбы

«Автор»

2024

Захаренко В.

Нелли исправляет ошибки судьбы / В. Захаренко — «Автор»,
2024

Я – Нелли, плод неумной фантазии одного прибабахнутого товарища, который возомнил себя писателем. И пока он там долбит по клавиатуре, составляя слова вместе, я решила пообщаться с вами, дорогие почитатели меня! А вообще я – дух-покровитель, ну или защитник. А еще объяснитель и, чего греха таить, помощник. Я хочу во всеуслышание сказать: "Человеки, вы не расходный материал и не средство удовлетворения чьих-то прихотей! Вы права не имеете укладывать свою бесценную и неповторимую жизнь на алтарь чужих ожиданий! И не надо мне перед мордочкой махать всякими «я должна, я должен, так принято, всегда так было». Ни к чему хорошему это не привело. Сколько поломанных судеб вокруг тех человек, которые вовремя не сказали «нет»! Которые поставили свою жизнь ниже, чем она есть! Дорогие человеки! Жду ваших вопросов, предложений, жалоб и пожеланий. Искренне ваша, прекрасна и неповторима, Нелли! Рррь..."

© Захаренко В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Место, где невозможно врать	5
Нелли исправляет ошибки судьбы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виталий Захаренко

Нелли исправляет ошибки судьбы

Мужья врут женам, матери врут детям, наниматели – работникам. А в ответ получают свою порцию лжи. А самая большая ложь цветет и пахнет в уверениях: «Я никогда не вру!»

Место, где невозможно врать

По привычке Лиза налила в мисочку воду и поставила на специальный коврик. С грустью посмотрела на чистую пеленочку у двери.

Вздыхнула, попыталась улыбнуться. С каждым разом получалось все лучше. Все-таки старые шрамы лишили лицо живой мимики.

– Эх, Нелли, Нелли, – проговорила она, усаживаясь с пальцем на диван.

Как таковой собаки у Лизы не было. Была Нелли. Да и то изредка. Та, конечно, выглядела как собака, но ею была лишь отчасти.

Лет четырнадцать было Лизе, когда ее настигло несчастье. Ожег третьей степени лица и шеи. А дело было так.

– Лидка! – кричал отец из прихожей, – И Лизку тоже касается! Глава семейства домой пришел! Жрать давайте, бездельницы!

Папа был не то чтобы сильно пьян. Ноги еще кое-как держали, а вот руками размахивал, что твой постовой.

Лиза вышла к отцу и сказала:

– Мама в магазин пошла, сказала, скоро придет.

– Нет у меня желания ее ждать! Ты дочь моя, тоже баба! Должна уметь мужика накормить!

– Макароны сварить? – спросила Лиза.

– Большую кастрюлю! – выкрикнул папа, сражаясь с обувью.

Лиза и пошла на кухню. Когда папа такой, она с ним вообще дела иметь не хотела. Но лучше не злить, потому что он потом на маме отыгрываться будет.

Вода в кастрюле закипала, и тут на кухню вплыл, иного слово и не подберешь, отец семейства:

– Ну, сколько еще ждать?

– Сейчас макароны вкину, – Лиза склонилась к шкафчику, где хранились крупы и макароны.

А папа, почему-то решил воду перемешать. Черпак взял. Да так неудачно зацепил им кастрюлю, что вода хлынула бурлящим потоком прямо на Лизу.

Вспышка боли, а потом...

Лиза видела себя, лежащей в больничной палате, как будто из-под потолка.

«Что-то подобное было по телевизору недавно, – вспомнилось Лизе, – когда боль очень сильная, душа может выйти из тела, чтобы не страдать».

А воспоминания о боли, чуть ли, не дотла сжигали.

Почему-то картинка начала меняться. А может душа решила попутешествовать. Только увидела она больничное крыльцо, а там мама и папа.

– Не прощу! Слышишь, Колька! Никогда тебя не прощу! Уходи и нечего у больницы ошиваться!

– Лид, ну как там Лиза?!

– Проспись, опять шары залил? Пришел здоровьем дочки поинтересоваться! Из-за тебя, как дала бы тебе по лбу, чтоб приземлился на мягкое место и больше не встал.

– Да не пил я сегодня! Это со вчера осталось.

– Прочь пошел! Сейчас милицию вызову.

– Лид, я только оттудова. Лид, прости, случайно вышло. Даже не представляю, как Лизка кастрюлю, кипящую на себя опрокинула.

– Жаль, что тебя там не оставили! Лучше бы на тебя эта кастрюля вылилась... Ух, глаза бы мои тебя не видели!

После этого разговора Лиза больше никогда папу не видела, а вот мама приходила часто.

Лида не смогла простить мужу, что из-за его любви к бутылке пострадала дочка. Сколько бы Коля не валялся у нее в ногах, Лида и не думала смилостивиться. Развод! И не просто развод:

– Не дай бог, появишься на пороге, собственными руками глаза вырву! Ты и только ты виноват, что наша доченька заболела!

Да и как заболела! Врачи все твердили, что кардинально исправить ситуацию не получится.

– Нам бы хоть функции речи, слух и зрение сохранить, – твердил Натан Альбертович. – Для ее возраста вообще удивительно, что выжила. Вы себе представить не можете, какая это боль! Взрослые сдаются, а это девочка!

Этот разговор Лиза тоже наблюдала со стороны.

Да, боли было много, потому она и сбегала в «путешествие», чтобы не кричать все время. А врачи только радовались, что снотворное так хорошо работает.

Отпустили домой Лизу только через полгода, со множеством ограничений и списком медикаментов. Что-то на постоянной основе, а что-то и на экстренный случай.

В школу она уже не вернулась. Мать добилась окончания обучения, два года всего, на дистанционной основе. Да Лиза и не рвалась никуда.

Еще в больнице она начала вышивать крестиком. А дома только этим и продолжила заниматься. Просто монотонное занятие, которое кралю время, сколько бы его не было.

– Лизонька, может, на улицу выйдем? – спрашивала мама.

– Нет, мам, не хочу.

Может она и хотела, но стеснялась. А еще реакции людей боялась. А если быть до конца откровенным, то на улице она бывала ночами.

Да-да, как в больнице наловчилась выходить из тела, этим же продолжила заниматься и дальше.

В своем собственном будущем она уверена не была, а так хоть за жизнями других людей наблюдать.

– Стоять! – окрикнули Лизу во время одного из путешествий. – Туда нельзя! Там тьма!

– И что? – спросила Лиза.

– Ты новенькая, что ли? – повторил голос. – Судя по пируэтам – нет.

– А ты кто? – спросила Лиза.

– Я-то Нелли, – ответил голос, – а вот у тебя явно с мозгами недобор. Висит, понимаешь, черная туча, а она в нее на полном ходу!

– А что, нельзя? – спросила Лиза.

– Конечно, нет, – как само собой разумеющиеся ответила Нелли.

– А мне как-то все равно, – проговорила Лиза.

– А ей все равно, – с издевкой проговорил голос. – Вот скажи мне на милость, чего тебе не хватает?

– Любви, – грустно ответила Лиза, – только кто меня такую полюбит?

– Так ты еще ребенок, – догадалась Нелли. – Тогда слушай внимательно. Сейчас заканчивай свои полеты во сне и на Яве, и иди на площадку. Там тебя собачка ждет. Маленькая, беленькая. Не перепутаешь.

– Это заколдованный принц? – спросила Лиза.

– Это клинический случай! – последовал выдох, который заменил порцию ругательств. – Это я буду. Ну, заколдованная, что ли. Короче. Взять в дом, кормить, поить, любить и баловать. А по ночам будем учиться мимо черных облаков летать, да и вообще тут много чего интересного. Это же тонкий мир! Шикарное место! Тут можно все найти!

– И любовь? – спросила Лиза. – Ну, такую, чтобы на шрамы не смотрели?

– Этим мы и займемся, – сказала Нелли, – но чуть позже. Клиент еще не готов. Да и тебе подрасти нужно!

Сначала Нелли жила с Лизой постоянно. Потом начала пропадать на день два. Говорила, дела. А потом сказала, когда находились в тонком мире:

– Я изредка буду появляться, но ты обо мне не забывай! Как раз принц твой подрос, так что, жди в самом ближайшем будущем!

Вот Лиза и ждала. Может не совсем принца, но полюбившуюся подружку Нелли, у которой в тонком мире был просто отвратительных характер.

Уху сначала стало тепло, потом жарко. Потом стало мокро и добавилось болезненное причмокивание. А потом резкая боль вернула Матвея в сознание.

Лежал он на спине, руки вдоль туловища, кончики пальцев покалывали иголки.

Матвей открыл глаза. На его груди, укоризненно глядя ему в лицо, на тоненьких лапках стояла Нелли.

– Я опять переборщил? – спросил он у собачки.

Она фыркнула ему в лицо, но с места не сдвинулась. Во взгляде читался вопрос:

«Ты как? Нормально?»

– Все хорошо, – проговорил Матвей, не двигаясь. – Спасибо!

И только теперь Нелли позволила себе спрыгнуть с груди Матвея, позволяя ему встать.

Слишком громко сказано «встать». Тело слушалось плохо, мышцы будто одеревенели, а суставы гнулись с превеликим трудом.

Нелли наградила Матвея еще одним встревоженным взглядом.

– Нет-нет, – сказал он ей, – это сейчас пройдет.

А объективно оценив свое положение, Матвей понял, что если бы не вмешательство Нелли, не факт, что он смог бы вернуться.

– Спасибо, моя хорошая! – нежно сказал он, садясь на кровати. – Сейчас будем завтракать.

Нелли скрутилась калачиком на его подушке, всем своим видом показывая, что она не торопится.

– И за это спасибо, – выдохнул Матвей, вставая и направляясь в ванную комнату.

Осознанные сновидения и астральными путешествиями для неопытного человека – занятия очень опасные. Без контроля и помощи можно так загуляться, что обратно в тело никогда уже не вернешься.

А Матвей, мало того, что был не опытным, так еще и самоучкой. А если совсем точно, то самоучкой вынужденным.

В один, не самый прекрасный момент, проснувшись утром, он осознал, что тело его полностью одеревенело и потеряло чувствительность. А вот возвращение к норме происходило настолько болезненно, что Матвей не постеснялся и даже немного повыл.

А вот память, в процессе завываний, подкинула какие-то картинки, которые чуть не парализовали его сознание.

Он видел себя со стороны. Свой дом с высоты птичьего полета. Носился по городу, бестелесной сущностью. Заглядывал в окна домов, как знакомых, так и незнакомых людей. А потом видел калейдоскоп красок, который даже отдаленно не мог классифицировать.

Если бы Матвей за свою жизнь не прочитал ни одной книжки и не включал телевизор, или родился лет восемьдесят назад, когда о подобном рассказывали только бабки в далеких глухих деревнях, он бы просто умер от шока. А так он, сравнительно здраво, определил случившееся, как нечто сверхъестественное.

Нет, можно было бы списать это на слишком реалистичный и красочный сон. Но состояние организма подсказывало, что сны такими не бывают.

Первой реакцией был страх.

Из книг и телепередач Матвей знал, что подобные происшествя могут привести к потере самого себя. То есть, сознание загуляет где-то и пиши пропало. Тело есть. Может даже ходить и говорить будет. Только это будет уже совсем не тот человек, а некое его подобие.

А вот второй реакцией, когда первые волны страха схлынули, было принятие справедливого возмездия. С некоторой отрешенностью Матвей принимал постигшее его сверхъестественное происшествие в качестве наказания. Или даже кары.

Чисто юридически, он был не виноват. Да и в обществе его никто не винил. А вот сам себя Матвей чувствовал виноватым. По этой же причине и в стационаре под присмотром психиатров пробыл более полугода.

А история была такая.

Работал он водителем на городском автобусе. Людей возил по маршруту. Работником он был прилежным, имел похвалу и грамоты от начальства. Доволен был жизнью сам и радовал родных и близких.

Но приключилась с ним авария. Пересекал он перекресток во время часа пик. Полный салон пассажиров. Солнышко припекает через грязноватые окошки. А тут прямо на перекрестке в бок автобуса на всех парах влетает груженный самосвал. У водителя тормоза отказали.

Автобус сминает, как консервную банку, протаскивает метров тридцать, а потом переворачивает на бок, и еще на боку протаскивает до самого дома. Мало того, что сам автобус влипает в здание, так еще и самосвалом его вминает дальше некуда.

Последствия даже представлять не хочется, а вот сам Матвей отделался парой переломов и сотрясением.

Тело вылечили, а вот душу...

Матвей где-то в глубине понимал, что он не виноват. И ему все поголовно твердили, что его вины в происшествии нет. Только он все равно винил себя. Во-первых, на нем, как на водителе, лежала ответственность за пассажиров. А во-вторых, бесконечные «если».

– Если бы я ехал чуть быстрее, если бы я ехал чуть медленнее, если бы я задержался на остановке, если бы заметил тот самосвал издалека.

Этим он убивал себя. Буквально рвал сознание в клочья.

Конечно, его определили в стационар, чтобы снять тяжесть приступов и хоть немного снизить болезненность самобичевания. Но возиться долго с ним не стали. Как только определили, что он не представляет опасности ни для себя, ни для общества, снабдили рекомендациями, препаратами и отправили домой.

Больничный выплатили, с работы уволили, а как дальше жить – не объяснили. И главное, за что.

Но с работой помог школьный приятель его отца. Был он управляющим огромного складского помещения, которое предоставляло площади для многих оптовых сеток города.

Антон Дмитриевич был в курсе происшедшего с Матвеем, поэтому предложил тому, чуть ли, не любую должность ниже своей.

– А можно мне такую работу, – опустил глаза, проговорил Матвей, – где я не буду с людьми контактировать? Ну, или по минимуму?

– Водителем автопогрузчика пойдешь? Надо будет из буферной зоны развозить грузы согласно предписанию по секторам. Только там зарплата не очень.

– Мне много не надо, – ответил Матвей.

Через пару месяцев произошел первый сверхъестественный инцидент. Отнесся к нему Матвей с полным фатализмом:

– Как будет, так будет.

А еще через неделю бестолковых полетов, в его жизни появилась Нелли.

Стоял он на остановке и ждал автобуса, чтобы там было поменьше народа. В стороне от остановки стоял. А тут к нему подходит малюсенькая собачка, но сразу видно, что не щенок. Садится у ног, а свою маленькую лапку ставит Матвею на кроссовок.

Он посмотрел на собачку, она ответила ему взглядом. Он наклонился, она не двинулась.

Матвей заозирался, может хозяин где-то неподалеку. Но ни в его сторону, ни в сторону собаки никто не смотрел.

Долго не разбираясь, подхватил собачку на руки, спрятал за отворот куртки и отправился с ней домой.

В еде собака оказалась не привередливая, сосиски ела с превеликим удовольствием, во время ванно-банных процедур стояла спокойно. И да, это оказалась девочка.

– Сбылась мечта, – проговорил Матвей, устраивая спальное место для собаки у себя в кровати на соседней подушке, – блондинка в моей постели! Осталось придумать тебе достойное имя.

Перебирал долго, но собака откликаться отказывалась.

– Тогда будем ложиться спать, завтра подумаем еще.

Ночью его опять потащило в неведомые дали, но в этот раз стало все несколько иначе.

Полетал по комнате, потом над домом, немного над районом, а потом он почувствовал, что ему кто-то залепил пощечину. Звонкую, смачную и донельзя болезненную.

– Уй! – вскрикнул Матвей, продолжая парить над городом.

Прямо перед ним появился образ собачки, которая по идее спала на соседней подушке, и, не открывая пасти, сказала:

– Меня зовут Нелли, а тебе пора возвращаться, – и указала лапкой в сторону дома, над которым они в этот момент проплывали.

Матвей проснулся внезапно и сразу же посмотрел на собачку. Та сидела на подушке и смотрела несколько снисходительно.

– Нелли, значит, – констатировал Матвей.

Нелли чуть высунула язык, потом отвернулась и улеглась.

Остаток ночи Матвей проспал совершенно спокойно. Даже на работу чуть не проспал.

Утром Матвей понял важное. Потеряться в астрале ему не дадут. Свидетельствовали в пользу этого две свежие царапинки на лице. Тут даже экспертизу проводить не надо, чтобы понять, чьих это лап дело. Да и Нелли не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд.

А, поскольку, утрата личности в астрале Матвею не грозила, а факт происходящего неоспорим, надо к этому делу подходить с умом.

Матвей в свободное от работы время занялся изучением всего, что можно было нарыть в интернете. А Нелли присутствовала рядом, в пол глаза посматривая в монитор.

И вот удивительное дело, когда материал был, мягко говоря, недостоверным, она фыркала и демонстративно отворачивала голову.

Кстати, про саму Нелли Матвей тоже вычитал. Не конкретно, но из той же оперы. Ведьмы, обычно, обзаводятся фамильярами, духами помощниками. Это или коты, или вороны. А поскольку Матвей ведьмой не был, то ему досталась собака. А если правильнее, то дух в образе собаки.

Образование с практическими занятиями шли рука об руку под руководством Нелли. А та, кстати, во время астральных прогулок, превосходно владела речью. Матвей подозревал, что Нелли может и в реальной жизни не хуже разговаривать, но образ приличной собаки она отыгрывала на пять с плюсом.

– Нелли, это мы где? – спросил Матвей, вплывая в хоровод цветных пятен.

– Суть всего и вождевленное место всех просвещенных, – ответила Нелли.

– Понятней не стало, – проговорил Матвей.

– Потому что – неуч! – сказала Нелли с некоторым раздражением. – Нормальные люди книжки читают, а ты все картинки смотришь! Истину и мудрость по крупницам выискивать надо, а ты все в картинках ищешь, да еще, чтобы с подписью!

– Возвращаемся? – спросил Матвей.

– А смысл? – Нелли изобразила скепсис, насколько это позволяла мимика собачьей мордочки.

– Книжки почитать, – предположил Матвей.

– Считай, что я уже поверила, что вот ты так возьмешь, и будешь читать, – Нелли закатила глаза, – тоже мне, читатель.

И да, характер у Нелли в астрале был не сахар.

– Это тонкий мир. Специальное место, где находятся все души. А просветленные могут сюда попадать, чтобы пообщаться с любой душой. Ну, или такие, как ты, которых в реальной жизни почти ничего не держит.

А вот это была правда. Матвей действительно находился в таком состоянии из-за накалывающего чувства вины, что не ценил свою жизнь совершенно. А жил по принципу:

– Раз проснулся, будем делать, что надо.

И такое положение дел Нелли не устраивало.

Она сделала Матвею поистине царский подарок. Нелли нашла души всех тех, кто в аварии не выжил, и дала возможность пообщаться Матвею с ними. Никто его не винил, а когда он просил прощения, его охотно прощали.

И вот с этого момента он начал жить. Но с некоторой оговоркой. Он продолжал гулять по тонкому миру, а Нелли следила, чтобы Матвей там не задерживался, потому что связь могла оборваться, а душа так и не вернуться в тело.

– Гулять пойдем на улицу или на пеленку? – спросил Матвей после умывания.

Иногда Нелли рвалась на улицу, а иногда была категорически против покидать квартиру. Поэтому Матвей организовал для Нелли отдельный туалет.

Сегодня Нелли никуда идти не пожелала, вяло махнула хвостом и продолжила нежиться на подушке.

А настроение у Матвея было просто замечательным. После получения прощения, он не оставил путешествий по астралу и тонкому миру. И познакомился там, если это можно так назвать, с одной очень интересной душой.

Если сделать шаг в сторону и посмотреть на это со стороны, то для произошедшего сложно подобрать правильные слова. Нет таких слов и терминов, чтобы описать знакомство и общение двух душ. Это как глухому от рождения человеку описать шелест ветра в опавшей листве, журчание лесного ручейка или симфонию Баха.

Информацию донести можно, но глубину, краски, восхищение останется где-то за рамками понимания.

Потому и Матвей определил для себя факт знакомства именно так. А на самом деле все выглядело иначе.

Душа – это не тело, слова, ужимки, маски, хитрости и ложь. Это искренние чувства, полная открытость и беспощадная правда. Его душа приблизилась к другой душе, и между ними возник контакт. И полетели картинки, как кадры киноплёнки, в каждой из которых можно было задержаться и рассмотреть, как инсталляцию.

Матвей показал аварию, после которой его жизнь изменилась, показал первый снегопад, который вызвал шквал эмоций, показал руки матери, смех друзей, свою одинокую квартиру, автопогрузчик, девушку, которую любил в школе. Он отдавал все, что когда-то вызывало эмоции.

Отдавал все, но и получал немало.

Огромные банты на линейке в первом классе, букет ромашек от поклонника, темная кладовка, где пряталась от злого отца, слезы матери, больничная палата, которая плохо видна из-за слоя марли на лице, страх на лицах прохожих, вышитые крестиком картины, грусть, отчаяние и тоненький лучик надежды.

– Нелли, а можно в реальном мире найти человека, с которым познакомился там? – спросил Матвей.

Нелли приоткрыла пасть, но сразу же ее захлопнула. Чуть не спалилась. Но очень внимательно посмотрела на Матвея. Это был далеко не собачий взгляд. Но настолько выразительный, что слова к нему не требовались.

– Вот чувствую, что это мой человек, – сказал Матвей.

Нелли одарила Матвея другим взглядом. Это было что-то среднее между презрением, недоверием и издевкой.

– Я серьезно говорю, – настаивал Матвей. – Вот ты сейчас мне можешь сказать, что обладательнице этой души лет пятьдесят, что у нее муж и семеро детей. А еще, что живет она где-нибудь на Занзибаре. И про больницу я помню. Знаешь, мне кажется, что это все не так уж важно. Кроме, Занзибара, конечно, – Матвей улыбнулся.

Нелли задумчиво почесала за ухом, а потом направилась к двери.

– Что, так просто? – удивился Матвей. – Встали и пошли?

Собачка остановилась, повернула голову, как бы говоря:

«Если человек твой, чего время терять? Пошли!»

Матвей открыл дверь квартиры, через которую вальяжно вышла Нелли. Только она пошла не вниз по ступенькам, а вверх. Матвей пошел следом. Нелли поднялась на два этажа и остановилась под дверью одной из квартир.

К своему стыду, Матвей не знал соседей и не общался. Соответственно не знал, кто живет за этой дверью.

– Ты уверена? – спросил он у Нелли.

Та рухнула на попу, будто у нее лапы отказали.

– Понял-понял, – протараторил Матвей и нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла молодая девушка со следами старого ожога на лице:

– Здравствуйте, – сказала она.

– Здравствуйте, – проговорил Матвей, – я тут по такому вопросу, – и замолчал.

А как объяснить, по какому вопросу он пришел? То, что он собирался сказать, тянуло на веселый диагноз. Потому стоял и придумывал слова.

– Нелли, это он? – спросила девушка, присаживаясь на корточки перед собачкой.

Собачка слегка кивнула.

Девушка выпрямилась и подняла глаза на Матвея:

– Так вот ты какой, водитель погрузчика!

– А вы, случайно, картины крестиком не вышиваете?

– Вышиваю, – сказала она с улыбкой.

В этот момент Нелли вскочила и стремглав бросилась вниз по лестнице.

– Нелли, поздравляем вас с выполненным заданием! Получите формуляр на нового клиента!

– А можно в этот раз не такого тупого?

Нелли исправляет ошибки судьбы

– Володя! Где твоя совесть! – Коля стоял в полной растерянности. – Мы же к Ане собирались ехать!

– Я не в том состоянии, – еле открывая рот, выдавил из себя Володя.

– Да вижу, в каком ты состоянии, – Коля покачал головой, – ни стыда, ни совести, ни здравого размышления.

Володя оторвал голову от стола, на котором лежал, нашел мутным взглядом говорившего Колю, сделал вдох и начал кричать:

– Да я виноват! Ну, так убейте меня! Посадите в тюрьму! Отдайте людям на растерзание! Что я сейчас могу уже сделать?

Коля подошел к столу и врезал по столешнице кулаком. Надо бы по этой пьяной морде.

– Что ты можешь сделать? – Коля тоже перешел на крик. – Да хотя бы не заливаться каждый день! Виноват ты или не виноват, это следствие будет устанавливать, а от тебя сейчас требуется беседовать с врачами и думать, чем ты можешь помочь жене и сыну!

– Чем я могу помочь, – Володя начал плакать, – меня же к ним даже не пускают.

– Ну, ты тугой, – Коля навис над приятелем. – Они в реанимации и без сознания. Что ты рядом с ними собираешься делать? Выть? С этим ты и дома неплохо справляешься! К врачу ехать надо. Может купить что-то нужно? Лекарства какие-нибудь. А ты тут...

Коля не договорил, потому что Володя свалился на пол.

– Вставай сам, – брезгливо сказал Коля, – я тебя поднимать не буду.

– Оставьте меня тут, – ныл Володя, барахтаясь на полу в куче мусора, – я не хочу так жить!

– Да, бес с тобой! – Коля в сердцах сплюнул на пол.

Единственное, что он сделал перед уходом – он открыл большое окно в комнате и снял раму с петель.

«Хорошо, что рама деревянная, а не пластиковая, – подумал он, ставя раму у стены, – пластик так легко не снимешь».

А по поводу хозяина квартиры он рассудил так:

– На улице не настолько холодно, чтобы Володя замерз, но достаточно, чтобы протрезвел. А если и замерзнет, то и бог с ним!

В больницу Коля поехал сам, без близкого родственника. Рассудил, что врачи тоже люди, войдут в положение, расскажут, что и как.

– Анна, скорее всего, выкарабкается, – говорил врач с грустными глазами, – хотя положение тяжелое, а мальчик – вряд ли. Мы, конечно, будем бороться. Но сами должны понять, такая страшная авария, а ему всего-то два года.

– Доктор, а что мы с нашей стороны можем сделать? – спросил Коля, опуская в карман врача заготовленный конверт.

– Мы делаем все возможное, – ответил врач, как бы, не заметив, действие посетителя, – только время покажет, как оно будет.

– Тогда, – Коля достал визитку, – если что-то будет нужно, звоните мне. Муж Анны в несколько неадекватном состоянии. Он же только парой синяков отделался. Винит себя.

– Все под богом ходим, – проговорил врач и скрылся в ординаторской.

– Вова, не надо! – с этим криком Анна пришла в сознание после двух недель забытья.

Произошло это ночью, поэтому сразу вызвали дежурную бригаду. А та, ничего лучшего не придумала, как отправить ее в сон до утра, когда можно будет собрать консилиум.

– Сейчас возьмите все анализы и в лабораторию с пометкой сверхсрочно, – дежурный врач давал указания медсестре, когда Анна уснула, – чтобы утром можно было разговаривать предметно. Еще психологов вызовите. Сын у нее не выжил. Надо будет сообщить. И родственникам дозвонитесь, чтобы к обеду приехали.

– В деле нет телефонов родственников, – сказала медсестра, – только друг семьи Николай.

– Значит, его вызовите, – врач почесал подбородок, – пациентка при памяти, так что вызовите и полицию. Пусть они уточнят причины аварии.

Надежды Коли не оправдались. Володя не замерз к чертовой матери, но и в себя до конца не пришел. Находился в пограничном состоянии между явью и небытием. То есть, проблески здравых рассуждений сменялись ступором.

А в больницу он так и не поехал.

Пока за жизнь его сына боролись врачи, его шатало меж двух миров. Да и сам он заливался, пока у него не закончились деньги. А когда ему Коля сообщил, что Сашки не стало, Володя чуть в петлю не полез. Причем сразу, как только узнал.

Коля его стукнул пару раз для порядка, а потом, связав, для пушей уверенности спросил:

– Что это за сюрпризы ты отмачиваешь? У тебя жена в реанимации, сын умер, а ты как сявка дворовая, решил Аню еще и без мужа оставить?

– Все равно меня посадят! – кричал Володя. – Я виноват в аварии! Что так, что эдак, все равно меня с ней не будет. А так я хоть с сыном уйду!

– Ты бы тут дурака не валял, а хотя бы поинтересовался, на каком свете живешь! Никто против тебя обвинения выдвигать не будет, – кричал в ответ Коля. – Я со следователем говорил, по результатам экспертизы виноват дефект дорожного покрытия!

– Кто виноват? – не понял Володя.

– Яма была на дороге, – снизив тон, продолжил Коля, – ты при перестроении в нее колесом попал, вот машина в «бочку» и вошла.

– Так я не виноват? – глупо моргал ресницами Володя. – Меня не посадят?

– Дураков не сажают, – буркнул Коля, распуская узлы.

По поводу причины аварии Анна полиции ничего не сказала, хотя могла.

« – Вова, не надо! – просила она с заднего сиденья, удерживая Сашу от падения.

– Нет, ты посмотри, какую я машину купил! Так мягонько дорога под колеса ложится! И шины новенькие, и амортизаторы! Как по стеклу, честное слово!

Они ехали практически по пустой трассе, а Володя, красуясь, перестраивался из ряда в ряд.

– Да на ней можно трюки крутить! Хочешь, сделаю управляемый занос?

– Не хочу, – ответила Анна, – и не мог бы ты ехать чуть медленнее?

– Я могу еще быстрее! – рассмеялся Володя.

– Вова, я прошу тебя, не надо!

– Смотри, как я тот грузовичок сейчас обгоню! Как стоящий!

– Вова, не надо! – закричала Анна.

А потом машина на повороте, как о стену ударилась и полетела кувырком...»

– Плохо, что у нас не принято пристегиваться на задних сиденьях, – покачал головой полицейский, – ни закона такого нет, ни привычки. Простите, гражданка, что побеспокоили, – полицейский козырнул. – Выздоровливайте!

– Анна, что ж вы все в окно смотрите? – всплеснула руками Галя. – Так и с ума сойти недолго! Книжку бы взяли почитать. Или, вон, телевизор бы посмотрели! Такой хороший телевизор вам благотворители подарили!

– Не хочу, – сухо ответила Анна.

– А покушать вам, что сделать? Макарошки или картошечку?

– Без разницы, – произнесла Анна.

– Нет, если вы другого чего хотите, так скажите, я приготовлю!

Анна отъехала от окна в своем инвалидном кресле, сложила руки на коленях:

– Галя, скажите честно, зачем вам все это надо? Что вы передо мной выслуживаетесь? Если надо характеристику подписать, я и так подпишу. А в акте выполненных работ вообще можете писать все, что угодно.

– Анна, вы простите, если обидела чем, – Галя сглотнула комочек, – но это моя работа. И я делаю ее хорошо. А делать плохо, мне совесть не позволяет! Вот!

Анна грустно улыбнулась:

– Хорошая вы, Галя, но не надо для меня так стараться. Я, если можно так сказать, доживаю. Это не жизнь, – Анна опустила руки на колеса, – это колодки, от которых уже не избавиться.

– А не скажите, – ответила Галя с наивной улыбкой на губах, – вы пока обвыкнетесь, да приноровитесь, а потом хоть в олимпийскую сборную!

– Точно, – Анна улыбнулась наивности Гали, – только в сборной меня и не хватает.

– А еще есть бальные танцы на колясках, – поддерживая разговор, сказала Галя, – я видела, очень красиво!

– Может там еще и партнеров выдают? – спросила Анна.

– Наверное, – Галя пожала плечами и приступила к уборке, а Анна вернулась к окну.

Про партнеров она не просто так заговорила. Одна ведь она осталась. Володя ее из больницы забрал. Первое время даже ухаживать пытался. Но не потянул.

Анна думала, что не потянул, а знакомые иначе решили:

– Сбежал, как есть сбежал! – говорили они.

Хотя, так и было. Сказал, что сходит в магазин за молоком, но так и не вернулся. А разводились уже дистанционно.

Если с Володей можно было попробовать жить дальше, то после его ухода жизнь пришлось менять полностью.

В первую очередь – квартира. Старую, на четвертом этаже, пришлось менять на другую, но на первом. Лифты для инвалидов даже не во всех новых домах бывают. Плюс пандус, плюс стоки в ванной.

Но Анне повезло хотя бы в том, что ее просто перевезли из одной квартиры в другую. Да и о каком тут можно говорить о везении? С месяц после переезда ее еще худо-бедно навещали знакомые, а потом благополучно забыли.

Да Анне и не хотелось никого видеть. Вообще ничего не хотелось. Просто ждала, когда наконец-то закончится этот театр абсурда под названием жизнь.

И единственная, кто вносил дисбаланс в ее беспросветное существование, была Галя. Она и болтала без умолку, так еще и Анну провоцировала на ответы.

– Ох, ты ж, господи! Что ж делать-то? – вскрикнув, запричитала Галя.

Анна подумала, что Галя опять ее провоцирует, но решила все-таки спросить:

– И что там случилось?

– Я дверь открыла, мусор выставить на площадку, а оттуда животины какая-то прямо в квартиру забежала!

– Какая животины? – с глубоким вздохом спросила Анна.

– А я и не рассмотрела, – Галя вошла в комнату к Анне, – то ли кошка, то ли собака. Мелкая такая! Как молния! Шмыг! И вот не вижу даже, где затаилась!

Галя Начала заглядывать по укромным местам, вооружившись веником.

– Галя, оставьте «животину» в покое, – попросила Анна, – как забежала, так и выбежит. Откройте только форточку на кухне. Если кот, сам уйдет, а если собака, тогда вас в следующий раз дождется. Ну, или я сама выпущу.

– Так нагадит же, – растерялась Галя, – антисанитария!

– Тогда еще в ванной оставьте дверь приоткрытой, – сказала Анна, – и еще воды в какую-нибудь мисочку налейте.

После ухода Гали, Анна вернулась к созерцанию вида из окна. Она не рассматривала там что-то конкретное, и не наблюдала за чем-то определенным. Просто смотрела, не концентрируясь ни на чем.

Люди знающие скажут:

– Это же медитация!

Но Анна была не в курсе этих тонкостей. Просто прожигала оставшееся время.

– Ну и чего ты расселась? – в высшей степени бестактный вопрос вырвал Анну из полудремы.

– Чего? – спросила Анна, открыв глаза.

Перед ней на небольшом пуфике сидела, откровенно, малюсенькая собачка и с выражением крайней озабоченности смотрела на Анну.

– Ты что-то сказала? – поинтересовалась Анна.

Собачка завела глаза к потолку, притопнула передней лапкой, а потом спрыгнула на пол и куда-то сбежала.

– Все нормально, – проговорила Анна, – экспресс на дурдом отправляется с первой платформы. Я уже с собаками разговариваю!

Она вырулила на середину комнаты и позвала:

– Собачка! Где ты там? Пошли еще поговорим!

Из-за угла кухни высунулся кончик носа, дернулся пару раз, принюхиваясь, и исчез из поля зрения.

– Я за тобой бегать не собираюсь, – проговорила Анна, и снова повернулась к окну.

– Слышь, ты, на колесной тяге! Не вздумай просыпаться! Отвечать мне нужно мысленно!

– Ты кто? – мысленно спросила Анна.

– Знакомиться, значит, будем? Ладно, – согласился голос, – я – Нелли. Во сне я выгляжу, как хочу, а в реальности, как маленькая, беленькая и обворожительно-прекрасная собачка!

– Это ты ко мне в квартиру забежала? – спросила Анна.

– Нет, птеродактиль мутант! – съязвил голос. – Конечно, это была я!

– Очень приятно познакомиться, – выдала Анна стандартную форму знакомства.

– А мне неприятно, – голос сформировался в такую же собачку, которую Анна видела на пуфике, – ты вообще в курсе, что собачек принято кормить? За воду, конечно, спасибо, а еще за возможность сходить в туалет. Но как бы и покушать было бы неплохо!

– А ты по делу пришла или просто так?

– Просто так я даже чихать не буду. Дело у меня есть. Хотя – нет. Это у тебя есть дело, только ты пока о нем не знаешь. Но это потом. Сначала ты меня кормишь! Потом мы с тобой будем развлекаться, а вот уже потом дело!

– Я ничего не поняла, – проговорила Анна.

– И почему я не удивлена? – ответила Нелли. – Все, можешь просыпаться, я изголодалась до кончика хвоста!

Накормить Нелли – оказалось самым простым из того, что было потом. Нелли с удовольствием уплетала и паровые котлеты, что готовила Галя, и магазинные сосиски, состав которых оставался на совести производителей. А вот объемы?

– Нелли, а тебе плохо не будет? – спросила Анна, скармливая собачке пятую сосиску.

Удивленный взгляд был ответом. Вне сна Нелли не разговаривала. А еще во взгляде читалось:

– Тебе что, жалко?

До Анны с трудом доходил тот факт, что Нелли не просто собака, а нечто большее. Но сознание бастовало.

– И как это в такую крохотную собачку, – рассуждала Анна, – которая больше двух килограммов не весит, уместилось семьсот граммов сосисок?

Есть подозрение, что уместилось бы и больше, просто у Анны в холодильнике сосиски закончились.

Первой сложностью было объяснение с Галей. Та с трудом приняла, что собачку ловить и выгонять не нужно. Но сошлись, что в качестве оправдания для вышестоящего проверяющего наличие домашнего животного благоприятно скажется на психологическом состоянии инвалида.

Формулировку Нелли подсказала.

А второй сложностью стало обучение Анны погружаться в измененное состояние сознания по потребности, в котором она могла общаться с Нелли и готовиться к развлечениям. Что за развлечения, Нелли не говорила, только загадочно закатывала глаза.

– Вдох на три счета, выдох на три счета и повторить, – учила Нелли.

– Я сбиваюсь, – говорила Анна, – мысли всякие лезут.

– Ты или считать не умеешь, или я даже не знаю, – Нелли вытирала воображаемый пот со лба, – ты ж как раз и считаешь, чтобы мысли не помещались! Просыпайся и начинай заново.

Уже пару недель Анна общалась с Нелли только во сне. И только сейчас у нее начало получаться проваливаться в полубессознательное состояние, которого добивалась Нелли. Пять минут размеренного дыхания, и Нелли встречала Анну язвительным:

– Ну, наконец-то!

А дальше – больше.

– Чего расселась? Вставай! – потребовала Нелли.

– Я не могу, я же инвалид, – ответила Анна.

– Это там ты инвалид, а тут ленивая эта, на которой сидят! Тут тебе ничего не мешает встать, ходить и даже летать!

– Где это тут? – не поняла Анна.

– Ну, если исключить, что у тебя галлюцинации, и ты окончательно не двинулась по фазе, то уже больше двух недель ты заходишь в тонкий мир. Реальность над реальностью.

– Куда я захожу? – удивилась Анна.

– Это про тебя шутили, что ты прочитала в жизни три книжки: Букварь, вторую и синюю?

– Я как-то не очень любила читать, – проговорила Анна.

– Оно и видно, – Нелли была беспощадна, но снизила до некоторых объяснений. – Теорию мироздания я тебе рассказывать не буду, все равно не поймешь. Но, что касается непосредственно тебя, скажу так: ты инвалид в материальном мире, а есть еще мир энергий. Ты сейчас в мире энергий, но с видом мира материального.

– То есть, на самом деле все выглядит не так? – спросила Анна.

– Хвала сахарной косточке! До нее хоть что-то доходить стало! – Нелли воздела передние лапки вверх.

– У меня не получается, – проговорила Анна после нескольких попыток, когда упиралась руками в подлокотники.

– Так ты не руками вставай или ногами, – рявкала Нелли, – ты головой вставай! Представь себя облачком и воспарь!

– Да, не понимаю я! – Анна чуть не расплакалась.

– А откуда электричество в розетке понимаешь? – спросила Нелли, выходя из себя.

– Нет.

– Но ты же им пользуешься!

– Да.

– Тут, то же самое! Ты ничего не знаешь, но ты веришь, если нажмешь выключатель, лампочка загорится!

– Мне нужно поверить, что я могу встать с кресла? – ошарашено спросила Анна.

– Нет, блин! Поверь в меня! Свяжуй Нелли! – Нелли перешла в нижний регистр и продолжила говорить утробным голосом: – Встань и иди!

Анна перепугалась перемены голоса, что сама не заметила, как вскочила с кресла и отбежала в сторону.

– Знала бы раньше, – устало проговорила Нелли нормальным голосом, – давно бы тебя на испуг взяла.

Когда Анна более-менее освоилась в тонком мире, Нелли устроила ей встречу с сыном.

После нее Анна пролежала пластом с неделю, потому что старая боль вцепилась бульдожьей хваткой. Но были и, если можно так выразиться, положительные моменты.

Сашенька, маленький сыночек не помнил ни самой аварии, ни боли, которая была после этого. А душа его оставила тело еще там в машине.

– Без кармической боли его душа ушла, – объясняла и успокаивала Анну Нелли.

Анна просила еще о встречах.

– Так все уже, – Нелли развела лапки в стороны, как человек, – ушла душа на круг. Но ты не волнуйся, там ему будет очень хорошо. Главные знают толк в компенсации.

Нелли не объясняла, кто такие «главные», а Анна поняла, что начальство.

– Во-во, – подтвердила Нелли, – «Великое страшное начальство!»

А потом пришла пора развлечений!

– То, что твой сбежавший благоверный виноват во всем, ты спорить, надеюсь, не будешь? – спросила как-то Нелли.

– Наверное, не буду, – Анна еще не до конца вышла из ступора после свидания с сыном.

– А то, что он ушел без наказания, тоже понимаешь?

– Понимаю, наверное.

– И ты считаешь, что это нормально? – Нелли явно намекала на изошренную месть.

– Но ведь уже ничего не исправить, – растерянно проговорила Анна.

– А собственное удовлетворение у нас уже ничего не значит?

– Так его твое начальство покарает, – ответила Анна.

– На начальство надейся, а зубы держи острыми! – и Нелли продемонстрировала хищную улыбку.

Неизвестно, где находился Володя, но каждую ночь ему начал сниться один и тот же сон: «Трасса, машина делает кульбит за кульбитом. Сам он выбирается из машины после остановки. А потом на него идет переломанное тельце сына с протянутыми ручками и кричит:

– Папочка, за что? Папочка, помоги! Папочка, мне больно!»

Анна сначала ужаснулась этой картине, но потом согласилась, что он это заслужил.

– А долго это ему будет сниться? – спросила Анна.

– А вечность – это сколько? – загадочно спросила Нелли, клацнув острыми зубками.

Развлечением это назвать было сложно, но Анне стало значительно легче.

– А вот теперь приступаем к делу! – строго сказала Нелли. – У тебя имеется неизрасходованный материнский ресурс. А у меня есть один гражданин, которому этот ресурс необходим.

– Его можно передать? – спросила Анна.

– Ага, только вместе с носителем, – кивнула Нелли.

– Я в кресле, какая из меня мать? – возмутилась Анна.

– Помнишь, тебе Галя про танцы на колясках говорила? Так вот, коляска – не приговор. Сноровка, работа, упорство. И у тебя в кармане огромный плюс: везде носишься, а ноги не болят!

– И что мне, на танцы записаться? – не поняла Анна.

– Ага, на БАМ запишись! А еще кандидатом в полет на Марс! – Нелли постукала лапкой по голове Анны. – Тренируйся, качай мышцы, учись обслуживать себя сама. Придумывай приспособления для всех на свете дел. Я пока товарищем заниматься буду, так что время у тебя есть. Работай, страус колесный, работай!

Нелли исчезла, как и появилась. Внезапно и совершенно незаметно. Но Анне скучать и грустить было некогда.

– Игорь, ты сам видишь в каком он сейчас состоянии, – Марина кивнула в сторону соседней комнаты, – его нельзя оставлять одного.

– Это, конечно, здорово, но ты тут уже просидела три дня, – канючил Игорь, – сколько еще планируешь сидеть – не понятно, а там я и дети!

– Ты по мне соскучился, так вот она я, любуйся, – Марина демонстративно развела руки в стороны, – или ты с собственными детьми справиться не можешь?

– Нет, я справляюсь, – Игорь отвел взгляд, – только детям мать нужна.

– Если ты хочешь знать, отец им тоже нужен, – Марина начала заводиться, – только до этого момента они его видели или спящим, или возле телевизора. Был бы ты хоть на десять процентов таким внимательным, как Гриша, я бы слова не сказала.

– Так я же работаю, семью обеспечиваю, – проговорил под нос обиженный Игорь, – и ты мне четверых родила, и сама жива, и дети здоровы.

Звонкая пощечина отразилась эхом от стен.

– У Леночки здоровье было слабое, – процедила сквозь зубы Марина, – и ребенком она была поздним. Она младше меня на двенадцать лет была, а меня мать в ее двадцать шесть родила.

– Ладно, – сказал Игорь, потирая горящую щеку.

– Нет, не ладно! Ты на своем заводе гайки крутишь и не видел, как Гриша за Леночкой нежно ухаживал! И сапожки застегнет, и пальто на плечи накинёт, и завтрак в постель, и дверь откроет, и ручку подаст. А ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.